

Жанна Даниленко

**ЕСТЬ ТАКАЯ БОЛЕЗНЬ –
ЖИЗНЬ**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д18

Д18 Даниленко Ж.
Есть такая болезнь - жизнь / Жанна Даниленко – М.: Литнет, 2026. – 988 с.

ISBN 978-5-521-99564-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛО- ГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОН- НЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕН- НУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Молодая лаборантка Даша живет обычной жизнью, пока ее мир не переворачивает встреча с Сашей Корецким — харизматичным профессором из Гарварда, который делает ей внезапное предложение. Для него она — вспышка света в череде личных потерь и возвращения в Москву, где ему предстоит решить судьбу семейного института и разобраться с призраками прошлого. Их стремительная связь сталкивается с жестокой реальностью: разницей в возрасте, обязательствами Саши перед семьей и его темными, нерассказанными историями.

В то же время его племянница Мария, блестящая и ранимая наследница научной династии, пытается оправиться от предательства и находит спасение в работе и взрослой, запретной страсти, которая грозит разрушить хрупкий мир ее семьи.

Ставки невероятно высоки: каждому из героев предстоит выбрать между долгом и желанием, между прошлым и будущим, рискуя потерять не только любовь, но и самих себя. Готовы ли они заплатить цену за свое счастье в мире, где болезнь под названием «жизнь» не знает легких рецептов?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99564-6

© Литнет, 2026
© Ж. Даниленко, 2026

Часть 1. Возвращение

Как все изменилось... Ремонт, видеокамеры, посторонние лица в охране. Он давно здесь не был. Даже приезжая в Москву, обходил институт стороной – слишком многое связывало. А сегодня его никто не ждал.

Он остановился в гостинице, переночевал, позавтракал в почти пустом ресторане и пошел сюда. Главное было переосмыслить все, что обрушилось на него за последние месяцы. Дома, в Бостоне, не получалось – мешали стены, полные памяти. Он приехал на Родину, чтобы понять, как жить дальше.

Хотел поехать на кладбище, посидеть у отца, но не смог – отложил на завтра. Переступив порог института, он понял: нужно просто оглядеться, вдохнуть этот воздух, чтобы расставить приоритеты заново.

Его жизнь перевернулась несколько месяцев назад. Заболела мама. Он ухаживал, кормил с ложечки, боялся потерять ее каждую секунду. Она старела, слабела, и это пугало его как сына. Но жена увидела в этом лишь обузу. Ее требования отправить Екатерину Семеновну в пансионат звучали как приговор. Саша не мог на это пойти. Мать была для него всем после ухода отца, которого он потерял в пятнадцать.

Скандалы с женой стали ежедневными. Потом он перешел спать в кабинет. Потом его начало раздражать в ней всё: голос, шаги, сам факт ее существования. Она сняла квартиру. Начался бракоразводный процесс, и неделю назад все окончательно рухнуло на бумаге. Он купил ей жилье, отдал половину состояния и впервые за долгое время вздохнул свободно. Маме нашел сиделку – милую женщину из русских эмигрантов. Убедившись, что маме спокойно, сел в самолет.

Цель была деловой: решить судьбу своих акций института.

С сестрой говорить бесполезно – она будет против их передачи. Но зачем они ему? Он работает в Гарварде, живет в Бостоне. Совместные проекты с Борисовым и Ваней никуда не денутся. А здесь – у Любы дети, настоящая смена. У него же никого, кроме матери. Деньги у него есть, а больше ничего не нужно.

Он бродил по коридорам, размышляя, кому передать пакет акций. Люба с Сашей, скорее всего, оставят институт Ване – самому талантливому. У Валеры есть свои проценты, но он не рвется в руководство. Борька растет хорошим практиком, но без организаторской жилки. Обделенной оставалась Марина. Она не врач, но ее муж, Сергей, уже давно тянет администрирование на себе. Может, подарить ей? Вопрос повис в воздухе без ответа.

Саша направился в прозекутуру поговорить с Сергеем. А после разговора придется найти Любу и объяснять... Многое.

Сережи в кабинете не оказалось. Саша постоял у закрытой двери, затем подошел к окну лаборантской. За стеклом работали две девушки. Обе показались ему удивительными, непохожими на бостонских женщин. Одна – круглолицая, улыбчивая, вся излучала добро и свет. Вторая сразила его наповал.

Высокая, с идеальными формами, лет двадцати пяти. Огненно-рыжие волосы, собранные в тяжелую косу на затылке. И веснушки. Мириады золотистых веснушек, пробивающихся сквозь легкий тон крема. Она была не красива в классическом смысле – она была невероятно мила, естественна, солнечна. Она сосредоточенно работала за микротомом.

Саша, всегда сдержанный и расчетливый, вдруг почувствовал странный импульс. Он вошел, не думая.

– Доброе утро, красавицы. Гражданка рыжая, вы замужем?

Девушки вскинули на него глаза, ошеломленные. Перед ними стоял незнакомец в джинсах и клетчатой рубашке, подтянутый, высокий. Темно-русые с проседью волос, очки на переносице. В его уверенности, во властной осанке было что-то знакомое, но они не могли вспомнить что.

– Так вы замужем? – повторил он.

– Нет, – выдохнула рыжая, и ее глаза казались огромными.

– Тогда я делаю вам предложение.

– Что? Вы издеваетесь?

– Нет. Серьезен как никогда. Вы поразили мое воображение, и я готов на вас жениться. Вы не пожалеете.

– Но вы даже не спросили, как меня зовут! И я вас совсем не знаю...

– Я вам не нравлюсь? Или возраст смущает? А зовут вас, наверное, каким-нибудь замечательным русским именем. Оно мне уже нравится, даже если я его не знаю. Вы работаете здесь, а в этом институте – только достойные люди. Что еще?

– Я не знаю вас!

– На это у нас нет времени. Узнаете после свадьбы. Думаю, не разочарую. Ладно, подумайте. А мне нужен Сергей Тельман.

– Его сегодня нет. У него жена с гриппом, а ребенок маленький.

– Оле уже год. Значит, пойду в администрацию. Или к ним. Так вы согласны?

– На что согласна? Замуж? Я так не могу...

– Значит, нет?

– Я пытаюсь сказать...

– Значит, да?

Девушка покраснела до корней волос, и на глазах выступили слезы.

– Зачем вы смущаете девушку? – вступила подруга. – Вы бы хоть представились.

– Хорошо. Александр, – он на секунду задумался. – Александрович.

В кармане зазвонил телефон. Он посмотрел на экран.

– Все, меня раскрыли. Сестра знает, что я в Москве. Ладно, рыжая, даю тебе два часа. Потом приду за ответом. А сейчас – к сестрице Любоньке.

Он вышел, оставив в лаборантской гробовую тишину.

– Ты что-нибудь поняла? – первой нарушила молчание Неля.

– Нет... Но кто его сестра? Она работает здесь, и зовут ее Любовь Александровна.

– Боже, ты тоже о Корецкой подумала? А у нее есть брат?

В дверь вошел Владимир Тельман.

– Девушки, мне показалось или к нам приехал Александр Корецкий?

– Видимо, да, – сказала Неля. – Владимир Михайлович, он что, правда только что сделал Даше предложение?

– Не знаю. Он был женат на американке. Но человек он серьезный. Доктор наук, профессор Гарварда, член правления нашего института. Даша, это шанс. Укатай от нас в Бостон...

Все рассмеялись. Даша сгорала от смущения.

Через три часа в коридоре появились Саша Корецкий и Люба. Они вошли в лабораторию.

– Любушка, представляю тебе свою невесту. На этот раз – русскую. Рыжая, так как тебя зовут?

– Дарья... Любовь Александровна, извините, пожалуйста.

– За что, Даша? Мой брат уверяет, что влюбился с первого взгляда. Я о вас слышана, Марина отзывается очень хорошо. Так что я особо не возражаю, – Люба говорила с улыбкой, но в ее глазах пряталась веселая искорка.

– Вот и ладненько. Одобрение старшей сестры получено, имя узнал. Пойдем в ЗАГС.

– Прямо сейчас?

– Ну да. Даша, я очень ограничен во времени.

– Сашенька, так не пойдет, – мягко остановила его Люба. – Ты должен получить согласие ее родителей.

– Господи, как мне нравится твое «Сашенька»! Меня так только мама зовет. Все остальные – Алекс.

– Это был твой выбор. Тебя из дома никто не гнал.

– Я не хотел конкурировать с Борисовым. Такую свободу в работе, какую он тебе дал, не дал бы никто.

– Не говори ерунды.

– Говорю правду. Ты дала ему семью и детей, а он тебе – волю творчества. Любушка, ты уникальна. Рыжая Даша, как думаешь, сможешь дать мне семью?

– Саша, вопрос не ко мне. Кстати, забирай вещи из гостиницы. Жду дома.

– Нет, родная. Если Даша согласится, мы будем жить в гостинице. Сама понимаешь. А сейчас отпусти ее с работы. Пусть узнает меня поближе.

– Если она согласна – пусть идет.

Часть 2

Утром Даша пришла на работу со светящимися глазами.

– Неля, какой он мужчина!

– Ты провела с ним ночь?

– Да... Мы гуляли, он купил мне платье, туфли, повел в ресторан. Потом пригласил к себе. Я, кажется, влюбилась. И это совсем другое чувство... А вдруг он не вернется?

Слезы снова навернулись на ее глаза.

– Сколько ему лет?

– Сорок пять. Он брат Любви Александровны, у них общий отец. Мы много говорили.

– А как он в постели? Или только говорили?

– Перестань!

Даша хмыкнула, вспомнив что-то сокровенное, и густо покраснела.

Он зашел в лабораторию позже, с Борисовым и Исаковым. Обсуждали оборудование, дела. Сегодня он был другим – импозантным в безупречном костюме и ослепительно белой рубашке. Рядом с Борисовым он не терялся, а составлял ему достойную конкуренцию. Уже выходя, он обернулся к Даше:

– Я зайду за тобой в четыре.

Он подмигнул, улыбнулся той особой, сокровенной улыбкой, что предназначалась только ей, и ушел.

Их вечера стали ритуалом: ужин в ресторане гостиницы, затем номер на верхнем этаже, где они жили уже почти месяц. Однажды вечером он, расчесывая ее распущенные рыжие волосы, спросил неожиданно:

– Даша, у тебя было много мужчин?

– Зачем тебе?

– Ответь. И Расскажи, кто они были. Это важно. Нет, я все равно на тебе женюсь. Просто нужно знать, как с тобой обращаться.

– Хорошо... Только не бросай потом. Первым был одноклассник. Уходил в армию. Он был первым, понимаешь? Я ждала, писала письма. А когда он вернулся... мы стали чужими. Его прикосновения стали противны. Все кончилось. Я долго потом не хотела никого.

– А потом?

– Не хочу говорить.

– Ты о Сереже? Я знаю. Но хочу знать, что думаешь ты.

– Я его любила. Понимаю, что не должна была, но чувства были. В нашей связи виновата я. Он сопротивлялся, был честен. А я все придумала себе сама.

– А сейчас?

– Нет. Я справилась. Мы даже подружились с его женой, с твоей племянницей.

– Что тебя в нем привлекало?

– Интеллект. Порядочность. И то, что ему было плохо... Потом был Игорь, но до постели не дошло. Наверное, просто пыталась прийти в себя.

– А я?

– Мне хорошо, когда ты рядом. Но я понимаю обреченность этого. Ты уедешь, я уйду из института, и все. Неля говорит, у меня патологическая тяга к профессорам.

– Смешная твоя Неля. Даже если мне придется уехать, я вернусь. Веришь?

– Нет. Саша, не обещай. Не давай мне за что цепляться потом. Ты старше меня на двадцать лет, состоятельный, влиятельный. Кто я для тебя?

– Ты не веришь в любовь с первого взгляда? Мой отец был старше матери на тридцать два года. Они были счастливы. Даша, ты необыкновенная, яркая. Я хочу провести с тобой оставшуюся жизнь. Понимаешь?

– Так что тебе мешает? Я здесь, по твоему первому требованию. Ты позвал меня замуж, а привел в гостиницу. Говоришь,

что хочешь остаться, а сам думаешь об отъезде. Я не понимаю. Ты хочешь получить мою душу? Зачем? Тело твое уже. Сашенька, ты сам-то знаешь, чего хочешь?

– Пытаюсь понять. Даша, ты еще совсем ребенок. Я не могу посвящать тебя в свои дела. Я приехал в Москву, чтобы обрубить последние нити, связывающие меня с Россией. План был четким. Но я встретил тебя. Теперь я на распутье. Дай мне немного времени. Просто будь рядом. Я все решу, и мы будем счастливы.

– А твоя сестра? Борисов? Они не помогут?

– Хотят, но не могут. Мы с Любой слишком разные. Она любит меня скорее как мать, как Валерку. Познакомились мы, когда мне было шесть, а ей – восемнадцать. Она только вышла замуж, была беременна. Я был ей почти сыном. Дашенька, вы все с ней работаете, видите каждый день, но никто не знает Любу по-настоящему.

– А Борисов?

– Саша знает. И я знаю. Я уехал, чтобы не мешать ей. Не имел права встать на пути сестры, которую и так многого лишили в жизни. Понимаешь, меня любили, баловали. Я – единственный ребенок. Люба – сирота. Ее мать умерла при родах. Для отца она что-то значить начала, только когда он разглядел в ней гениальность. Она была для него экспериментом, подопытным кроликом. Он оттачивал ее талант, но не любил. Даже не верил, что она его дочь. Когда ей было двенадцать, он отвез ее в Америку и сделал генетическую экспертизу. Только тогда поверил. Но тут родился я... Он был прекрасным отцом. Для меня. А про Любу... забыли. Помню, как он кричал, когда узнал, что она в семнадцать беременна. Называл ее шлюхой, позором, требовал аборта. Но Люба воспротивилась. Сказала, что знает, какой должна быть мать. Отец рыдал тогда. Он понял, чего не дал дочери.

История Любы и Борисова разворачивалась передо мной не как роман, а через призму отцовских страданий. Отец высоко ценил Борисова как ученого, растил себе в преемники. Но как зятя...